

Д. Л. Талис

ТОПОНИМЫ КРЫМА С КОРНЕМ «РОС-»

Проблема так называемой Приазовской Руси в течение длительного времени порождала острую полемику¹. В истории изучения Средневекового Крыма оживленную дискуссию в 50-х годах вызвал вопрос о времени появления славян и руси в Крыму². Накопленный за два десятилетия археологический материал показал, что сколько-нибудь убедительных данных в пользу предположения о проникновении в Крым славянского населения до IX—X вв. не существует. Результаты исследований последних лет на Украине и в Крыму еще более ослабили аргументацию сторонников этой точки зрения. Единичные находки в Крыму, причислявшиеся к славянским в силу их аналогии с черняховскими, в настоящее время не могут служить безусловным аргументом о славянском проникновении в Крым, ибо сама принадлежность памятников черняховского круга к славянским ставится под сомнение³.

Тем более интересен вопрос о происхождении в Крыму топонимов с корнем «рос-». Географические названия на западном побережье Крыма, содержащие этот корень, встречаются на каталонских и итальянских портоланах, начиная с XIII в., и сохраняются на различных географических картах вплоть до XVI в.⁴ В немногочисленной литературе об этом⁵ упоминается, что в южной части Тарханкутского полуострова находился *Rossofar* (варианты: *Rosofar*, *Roxofar*), а местность еще южнее носила название *Rossosa*. С этими же названиями следует, очевидно, связать топоним тех же портоланов, относящийся к ближайшей к Западному Крыму области, — *Rossa*, ныне это Тендрская коса, Ахиллов дром античных авторов. На востоке Крыма или в Приазовье хрисовул Мануила I Комнина от 1169 г. и печать Феофано Музалониссы указывают топоним *Росия*⁶. С ним, вероятно, следует сопоставить топонимы с корнем «рос-» в Приазовье — *Rosso* или *fiume Rosso* вблизи устья Дона и *casale dei Rossi* к югу от Азова. Вблизи устья Дона Идриси помещает поселение *Русия*.

Для соотнесения интересующих нас крымских топонимов с реальными носителями этого имени важны начальные даты появления этих топонимов и этнонимов на территории Таврики. В со-

ответствии с данными некоторых византийских и арабских источников, начиная с первой половины IX в., росы обитали в Крыму⁷. Об этом же говорит наименование тавроскифы, широко применявшееся византийскими авторами для обозначения руси. При всей сложности объяснения его, в особенности его возникновения⁸, несомненна первоначальная связь средневековых носителей этого имени с территорией Крыма. Особенно важна первая часть этнонима — тавро. Если скифов помещали на обширных пространствах Европы и Азии, то в обозначении местоположения тавров все византийские авторы, как, впрочем, и античные, начиная с Геродота, едины — только Крым⁹. Существенно, что Лев Диакон называет русь попросту таврами, а их родиной считает Киммерийский Боспор¹⁰. Из всего этого следует, что не позднее X в. на территории Таврики обитали росы, которые в это время идентифицировались с тавроскифами¹¹.

Terminus post quem по появления географической номенклатуры с корнем «рос-» на географических картах устанавливается из следующих соображений. Во всех случаях, когда географическая терминология каталонских и итальянских портоланов, касающаяся Крыма, может быть сопоставлена с бытовавшими ранее названиями тех же объектов, выясняется глубокая древность этой терминологии и отсутствие произвольных новообразований. Особенно показательны не прямые совпадения, которых очень много¹², а кажущиеся расхождения итальянских и греческих названий типа Сюмболон (современная Балаклава) — Чембало, Феодосия — Кафа. Сюмболон и Чембало различаются лишь огласовкой. Еще более существенно сопоставление Кафы с Феодосией. В сочинении Константина Багрянородного, написанном в середине X в., Феодосия названа Кафой¹³. Особенно интересно, что это наименование встречается в так называемом рассказе о Гикий, который включен Константином в его повествование, но, судя по целому ряду признаков, относится к первым векам н. э.¹⁴ Так или иначе, но существование географического названия Кафа, по крайней мере в середине X в., бесспорно. Между тем не будь единственного упоминания о Кафе в первом тысячелетии н. э. у Константина Багрянородного, можно было бы думать, что этот топоним позднего происхождения. Параллель Кафа — Феодосия показывает, что топонимика каталонских и итальянских портоланов отражает не только, так сказать, официальную, но и издревле бытовавшую наряду с официальной демотическую топонимику, скрытую от нас отсутствием источников.

Итак, в соответствии с греческими и арабскими письменными источниками и данными топонимики можно утверждать, что не позднее, во всяком случае, первой половины X в. в Западной и Восточной Таврике, а также в Северном и Восточном Приазовье обитал многочисленный и хорошо известный своим соседям народ, который византийские авторы называли росами, тавроскифами, скифами или таврами, арабские писатели — русами. Этому ут-

верждению, опирающемуся на показания письменных источников, противоречит археологический материал. Вещественные памятники, прежде всего керамика, раннеславянского или русского происхождения на нижнем Дону или Тамани ранее XI в. отсутствуют, позднее они также не становятся там господствующими¹⁵. На северном побережье Азовского моря и по берегам впадающих в него рек славянских памятников не обнаружено вовсе¹⁶, нет их и в Крыму, исключая единичные находки, датирующиеся не ранее XII—XIII в., попадаются вещи, относящиеся к русской колонии в Херсонесе не ранее XIII в.¹⁷

Таким образом, сопоставление письменных и археологических данных приводит к внутренне противоречивому, во всяком случае, на существующей стадии изучения, выводу: в первом тысячелетии н. э. росы жили в Крыму, но славянской руси в Крыму в то время не было. Противоречие в логическом плане может быть снято двояким образом. Первое. Поселения со славянской керамикой первого тысячелетия н. э. в Крыму были, но они нам не известны. Второе. Топонимы с корнем «рос-» оставлены росами, или русами, для которых характерен не славянский, а иной массовый керамический материал. Оба эти предложения логически равновероятные, но первое противоречит известным фактам. На территории Восточного Крыма, к востоку от Симферополя и вплоть до Керченского пролива известно уже 58 поселений конца VII — начала X в.¹⁸ и ни одного поселения, которое содержало бы славянскую керамику. К этому еще следует добавить, что поселения VII — начала X в. в Восточном Крыму отличает от славянских не только глиняная посуда, но и характер планировки, конструкция жилищ, устройство производственных и хозяйственных помещений. Об этом можно судить по раскопкам в центральной и южной части Керченского полуострова В. Ф. Гайдукевича, Д. Б. Шелова, А. В. Гадло, в северной части Керченского полуострова — на Казантипском полуострове — автора этих строк, в юго-восточном Крыму — В. П. Бабенчикова, М. А. Фронджуло, А. Л. Якобсона¹⁹.

В западной части Крымского полуострова археологические исследования велись с меньшим размахом, нежели в восточной, и средневековых поселений найдено немного²⁰. Все же характерно, что и в этом районе Таврики в материалах выявленных поселений полностью отсутствует славянская керамика (не говоря уже о поселениях, которые можно было бы назвать славянскими).

Нам остается сопоставить с известными фактами второе предположение: для росов в Таврике характерна не славянская, а какая-то другая керамика. Такой вывод из письменных источников полностью соответствует и археологическим материалам. Керамику из всех известных степных и приморских поселений Крыма второй половины первого тысячелетия н. э. можно разделить на две группы. Изделия первой группы лишены этнических признаков. Это, во-первых, посуда, в формах и технологии которой продолжают античные традиции причерноморских городов. Сюда вхо-

дят пифосы, амфоры, некоторые типы кувшинов, блюд. Во-вторых, сосуды, локализуемые в очень широких пределах, типа высокогорных кувшинов с плоскими ручками. Изделия второй группы имеют особенности, указывающие на ее этническую принадлежность или хотя бы ареал, связанный с каким-либо этническим кругом.

В рассматриваемой связи важна только вторая группа, представленная, главным образом, горшками и кувшинами с орнаментом в виде сплошного рифления, врезного волнисто-линейного узора по плечам сосуда, пролощенных полос. Преобладают шаровидные формы, венчики встречаются витые, с защипами, с насечками. В литературе уже установлены близкие связи между этой керамикой из юго-западного, центрального и восточного Крыма и синхронной керамикой из Приазовья, Подонья, в меньшей мере — Северного Кавказа²¹. Что касается поселений западного Крыма, то описанная керамика — фрагменты горшков с врезным волнисто-линейным орнаментом и каннелированных кувшинов²² — того же типа, что и из остальных поселений Крыма того времени. Массовый керамический материал, как и форма и особенности хозяйственных и жилых сооружений, тип поселений указывают на несомненную этническую общность населения Западного и Восточного Крыма второй половины первого тысячелетия н. э. с алано-болгарским миром Подонья и Приазовья. Иные этнические группы прослеживаются в раннесредневековой Таврике лишь в виде инфилтратов, да и то крайне слабо. Впрочем, это особая тема.

Резюмируя сказанное, приходим к выводу, что топонимы с корнем «рос-», как в восточной, так и в западной части Крыма, обнаруживаются на территории, где со второй половины первого тысячелетия н. э. массовый археологический материал удостоверяет существование населения, близкого населению Подонья и Приазовья. Никакого другого этнически определенного материала раннесредневековые поселения степной и предгорной Таврики не содержат. Этим самым вопрос об этнической принадлежности топонимов с корнем «рос-» решается вполне однозначно. Такое решение обусловлено еще одним аргументом. В одном из поселений VIII—X вв. в Западном Крыму на Тарханкутском полуострове у с. Окуневка раскопано массивное каменное сооружение, которое, по вполне обоснованному мнению исследователя, являлось маяком²³. Место, где находилось поселение у с. Окуневка, на портоланах называется *Rossofar*, т. е. русский маяк²⁴. Этот факт с несомненностью указывает на развитое мореходство обитателей — росов, что совпадает с известиями византийских авторов о росах, обитавших у Северного Тавра и совершавших нападения морем на Константинополь на многочисленных кораблях еще в IX в.²⁵ Поскольку росы приходили оттуда, где раньше жили тавры и тавроскифы, на крымских росов и были перенесены эти наименования.

Таким образом, крымские топонимы с корнем «рос-» и археологический материал из раннесредневековых поселений Таврики

подтверждают концепцию Д. Т. Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами у арабских географов²⁶. Рассмотренный археологический материал говорит, однако, еще и о другом важном факте. Поселения на западном побережье Крыма, на Тарханкутском полуострове, как и почти все поселения приморского и степного Крыма, погибают в начале X в.²⁷, что, по-видимому, связано с началом печенежской активности. Отсюда следует, что росы, упоминаемые византийскими писателями до начала X в. как опытные мореходы, это крымские росы. Вопрос о том, почему славяне Приднепровья, начиная с X в., также стали называться росами, или русью, выходит за пределы задач этой статьи. Как бы этот вопрос ни решался, а предлагаемые решения многочисленны и зачастую противоположны²⁸, — ясно одно: Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на нее было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII—IX вв., т. е. росов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сжатую характеристику существующих точек зрения см. в кн.: *А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв.* — «Вестник ЛГУ», 1968, № 14, вып. 3, стр. 55—59.

² *Б. А. Рыбаков. Славяне в Крыму и на Тамани.* — Тезисы докладов на сессии по истории Крыма 24. V. 1952 г. Симферополь, 1952; *Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму.* — ВИ, 1954, № 4; *А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму.* — ВДИ, 1953, № 3; *его же. К вопросу об истоках Приазовской Руси.* — СА, 1958, № 2.

³ См. материалы, опубликованные в МИА, 108, 1963, КСИА, т. 121, 1970.

⁴ *N. A. Nordenskiöld. Periplus. Stockholm, 1897, pls: V, VI, IX, XVI, XVII, XIX, XXII, XXXI, XL, XLIII; p. 25, 33, 59.*

⁵ *А. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар.* — Сборник в честь В. И. Срезневского. Л., 1924, стр. 1924, стр. 160—178. Там же помещена исчерпывающая историография вопроса. Статей на эту тему позднее не появлялось.

⁶ ММ III, п. 25—37. *Хр. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини.* — ВВ, т. 1, 1894, стр. 159—166. Точная локализация географического названия «Росия» затруднительна. В хрисовуле Мануила генуэзские купцы получили право торговли во всех областях «владычества за исключением России и Матрахи». Отсюда следует, что, во-первых, Россия не тождественна Тмутаракани, во-вторых, Россия, как и Тмутаракань, была городом-портом, в-третьих, Россия находилась не на Таманском полуострове. Скорее всего, это пункт восточной Таврики.

⁷ Об этом свидетельствуют житие Георгия Амастридского, Лев Дьякон, Скилица-Кедрин, Зонара, Эль-Балхи. См.: *В. Г. Васильевский. Труды, III, Пг., 1915, СХ—СXXXIX; А. Гаркави. Сказания мусульман о славянах и русских. Спб., 1870, стр. 276; Ср.: А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы.* — ИЗ, т. 6, 1940, стр. 80—81.

⁸ *Е. І. Соломоник. Про значення терміна «таврські».* — АП, т. XI. Київ, 1962, стр. 153—157.

⁹ Там же.

¹⁰ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X. Bonnae, 1828, p. 77.

¹¹ По мнению В. Г. Васильевского, уже в первой половине IX в. имя русов было не только хорошо известно, но и достаточно распространено на северном побережье Черного моря (В. Г. Васильевский. Труды, 3, стр. СХ).

¹² См.: А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. — ИТУАК, т. 57, 1920, стр. 3—135.

¹³ De adm., p. 266.

¹⁴ R. Garnett. The story of Gycie. — The English History Review, XII, 1897, p. 100—105.

¹⁵ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XIII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, т. 6, 1941, стр. 191—246; С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. — В сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

¹⁶ Д. Т. Березовец. Слов'яни й племена салтівської культури. — Археологія, т. XIX, 1965, стр. 61—62.

¹⁷ А. Л. Яковсон. К истории русско-корсунских связей. — ВВ, т. XIV, 1958, стр. 116—128; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. — ВВ, т. XIV, 1958, стр. 129—137.

¹⁸ А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси..., стр. 60.

¹⁹ Указания на литературу см. в кн.: А. Л. Яковсон. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. — МИА, т. 168, 1970, стр. 26—29. Материалы наших раскопок еще не опубликованы и хранятся в Государственном историческом музее.

²⁰ М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. — В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 271; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории. — В сб.: Археологические открытия 1967 г. М., 1968, стр. 212; А. Н. Щеглов. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма. — СА, 1970, № 1, стр. 254—261.

²¹ С. А. Плетнева. Средневековая керамика..., стр. 66—68; А. Л. Яковсон. Средневековый Крым. М. — Л., 1964, стр. 49; А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси..., стр. 64.

²² А. Н. Щеглов. Раннесредневековые поселения..., стр. 259.

²³ Там же.

²⁴ А. А. Шахматов склонялся к пониманию корня «рос-» в топониме Rosofar как происходящему из итальянского rossa — красный (А. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар, стр. 181). Этим он, однако, противоречит своему объяснению значения «рос-» в топонимах Приазовья и Подонья, где за ними признается реальный этнический смысл. Пониманию А. А. Шахматовым топонима Rossofar противоречит еще одно географическое название на Тарханкутском полуострове, именно «Варанголимен», т. е. варяжское озеро. Наличие здесь этого топонима требует специального исследования, но, во всяком случае, тесная географическая близость наименований с корнем «рос-» и «варяг» не дает возможности объяснить «рос-» из итальянского прилагательного.

²⁵ Г. Острогорский. Славянская версия хроники Симона Логофета. — «Semi-pagium Kondakovianum», V. Прага, 1932, стр. 17—36; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 59—62.

²⁶ Про ім'я носіїв салтівської культури. — Археологія, т. XXIV. Київ, 1970, стр. 59—74.

²⁷ А. Н. Щеглов. Раннесредневековые поселения..., стр. 259.

²⁸ См., например: Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства. Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, стр. 747; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 293; Д. Т. Березовец. Слов'яни й племена салтівської культури, стр. 73.